

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ-ЦУНАМИ

Анна Ольховская

Яд
со взбитыми
сливками

Анна Ольховская
Яд со взбитыми сливками
Серия «Криминальный
пасьянс Ланы Красич», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=426922
Яд со взбитыми сливками: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-44549-3

Аннотация

В один счастливый и безмятежный день красотке Лане Красич пришло письмо... из зоны от Кобры, в миру Надежды Ким. Матерую преступницу и бизнес-леди связывала самая крепкая дружба: Надя дважды спасла Лану от смерти. Теперь Кобра, досиживающая срок, умоляла найти десятилетнего сына Сашу. Оказалось, мальчик остался жив, а не погиб, как ей сказали, и наверняка тоскует в каком-нибудь приюте. Лана нанимает детектива-профессионала, и тут начинается серия странных и страшных находок. Вместо Саши в детском доме обнаруживается пустое место в кровати. А в канаве находят жестоко убитого сыщика...

Содержание

Пролог	4
Часть I	9
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	26
ГЛАВА 4	34
ГЛАВА 5	41
ГЛАВА 6	48
ГЛАВА 7	56
ГЛАВА 8	64
ГЛАВА 9	71
ГЛАВА 10	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Анна Ольховская

Яд со взбитыми сливками

Пролог

Дворня просыпалась. Утро, как обычно, выдалось препроганейшим. Для хозяев усадьбы оно, вероятно, было вполне нормальным, а вот живность новому дню вовсе не радовалась. Может, потому, что никто не спешил встать пораньше и покормить скотину, почистить стойла, напоить...

Собственно, скотина, обитавшая в подвале окраинной многоэтажки славного города Балашихи, визита жильцов дома вовсе и не ждала. Визит грозил неприятностями разной степени серьезности – от одноразового выселения, после которого приبلудная живность снова возвращалась на обжитую территорию, до проведения боевой операции под кодовым названием «Санация подвала», с применением отравы, которую не выдерживали даже те, кто переживет все цивилизации.

Нет, не тараканы. И не крысы. Бомжи.

В этом подвале обитали три особи: две мужские и одна женская. Разобрать, кто где, и в обычные дни было сложно, а в это утро, утро после бала, – вообще невозможно. Во всяком случае, кошки, с брезгливым любопытством разгля-

дывавшие своих шумных и смердящих соседей, определить, где тут самка, а где самцы, не могли.

Если честно, им было все равно. Больше всего кошки хотели, чтобы эта троица убралась из подвала. Или хотя бы убрала за собой. Тут дети, между прочим, ходят! Да, кошачьи, и что?

А ничего. Торчат вон в куче мерзко воняющего тряпья три сизых бесформенных носа и трубят так, что трубы отопления отзываются.

Между прочим, если бы кошки знали мировую музыкальную классику, они бы поняли, что трио исполняет храпом «Полет валькирий» Вагнера. Та же всепобеждающая мощь, та же патетика, приводившая когда-то в экстаз Адольфа «Гитлера» Шикльгрубера.

Но среди котов бесноватого фюрера не случилось. Хотя вон тот, тощенький, с пакостной мордой...

Слаженное звучание вдруг развалилось на отдельные хрюки и рыки, леди и сэры просыпались. Вернее, проснулась только леди.

Разлепив один мутный глаз (кажется, левый, хотя так сразу и не поймешь, уж больно глазоньки опухши, в щели превратившись), дама звучно рыгнула и попробовала сесть.

После чего судорожно ухватила за голову и сообщила утру, что оно препоганейшее. И, что самое поганое, эта погань повторяется каждый день, и...

Если бы когда-нибудь эта леди изменила своим принци-

пам и попробовала устроиться на работу, в анкете отдела кадров, в графе «Владеете ли вы иностранным языком», она с гордостью могла бы написать: «Матерный в совершенстве».

Но эта дама, как и ее недосэрки, в вопросе трудоустройства была непоколебима. Она истово соблюдала главную заповедь бомжа: не работать НИКОГДА. Да, есть слюнтяи, которые, попав в трудную жизненную ситуацию, оказавшись на улице без жилья и без средств, едут в деревню, где всегда нужны рабочие руки, поселяются в заброшенных домах и постепенно налаживают свою жизнь.

Идиоты! Уезжать из города добровольно? Когда можно так славно, так беззаботно жить в окружении многочисленных помоек, где всегда можно наковырять и еды, и одежды. А потом пойти поклянчить милостыню или просто спереть денег, купить выпивки и «...там шальная императрица в объятьях юных кавалеров...». Ну и хрен с ним, что кавалеры не очень юные! Зато – ни забот тебе, ни проблем, цель одна, и она выполнима – нажраться в... Нажраться, в общем.

А зимой появляются сердобольные кормильцы, раздают бесплатно горячий супчик, не дают пропасть. И подлечат, если надо, и в ночлежке пару раз перекантоваться дадут.

В метро опять же погреться можно, всегда пустят сердобольные тетки-дежурные. А как забавно наблюдать за чистенькими девками, которые при виде тебя начинают испуганно жаться в угол. А куда зажмешься, когда давка? И стоит эта гримза холеная, глазки накрашенные от вони слезятся,

тушь течет – уржаться можно!

И зачем, по-вашему, работать?! Зачем... рвать?

Вот только эти утра без опохмела – сплошное ...! Жаль, что на помойку не выбрасывают таблетки эти, как их, еще одноклассницу похоже звали, она потом в Израиль уехала... О, вспомнила! Алка Зельцер!

Заворочались кавалеры, и дама, с хлопом втянув воздух, разразилась возмущеннейшей тирадой, из коей следовало, что Петька, не будучи джентльменом, опять справил малую нужду под себя, дурно воспитанный человек.

На что Петр аргументированно, сопровождая свою речь активной жестикуляцией, сообщил Катьке, ох, простите, Екатерине, что она должна радоваться тому обстоятельству, что нужда была малой. Всяко бывает, прелестная фея, знаете ли.

Они еще немножко побеседовали на эту тему, после чего прелестная фея, украсившись свеженьким фингалом под глазом, отправилась в буфетную за завтраком.

Буфетная располагалась в конце квартала, на самой окраине, где местные давно устроили стихийную свалку. А что делать, если мусорные контейнеры вовремя не вывозят? Правильно, гадить у себя под носом.

В этой буфетной всегда можно было найти если не круасаны к завтраку, то уж надкусанные булки – точно. И еще много всяких вкусняшек. А иногда – только тсс, Петьке с Семкой не говорите – попадались бутылки из-под пива с па-

рой глотков амброзии на дне!

Опаньки, а это что? Похоже, кто-то куклу выбросил, вроде целую.

Катька присмотрелась – да, кукла, ростом с двухлетнего ребенка, и вроде целая, с ручками, с ножками, ничего не отломано. Это ж точно на бутылку водки выменять можно! Так, давай, подруга, включи скорость, надо успеть первой, вон там какая-то хмыриха недалеко от помойки, сейчас перехватит добычу.

Так, все, успела. Теперь надо отдышаться, дыхалка ни к черту, а пока – палкой куклу к себе придвинуть, чтобы все видели – моя находка.

И в этот момент кукла жалобно застонала и открыла глаза.

Часть I

ГЛАВА 1

Интересно, как это – зеленый цвет? А красный? Голубой? Нет, какие они на ощупь, Саша знал. Красный – он теплый и одновременно резкий, словно покусывает, голубой – прохладный, зеленый – нежный. Но как это выглядит – забыл.

Именно забыл, потому что он не родился слепым. Маленького, по виду двух-трех лет от роду, мальчика нашли рано утром возле свалки в подмосковной Балашихе. Вой бомжихи, первой обнаружившей ребенка, перебудил тогда весь микрорайон.

Сначала решили, что мальчик мертв, слишком уж много крови натекло возле черноволосой головы, слишком уж синюшным было лицо. Но врач «Скорой» сумел нащупать слабенький, нитевидный пульс, и ребенка отправили в реанимацию. А милиция занялась пока поиском родных мальчика.

Найти не удалось. Никого. В Балашихе, во всяком случае. И заявлений о пропаже ребенка никто не подавал. Впрочем, учитывая состояние мальчика и тяжесть нанесенных побоев, заявление могли и не подать, слишком уж истощен и избит был малыш. Настолько истощен, что даже возраст его опре-

делить более-менее точно не смогли.

К тому же ребенка нашли недалеко от трассы на Москву, и вполне могло оказаться, что мальчика в Балашиху откуда-то привезли и выбросили, испугавшись наказания.

Травма головы была настолько серьезной, что врачи поначалу опасались, что спасти малыша не получится. Спасли, мальчик выжил. Но ослеп.

А еще он не смог назвать своей фамилии, только имя – Саша. И больше ничего. Ни одного имени. Когда его начинали расспрашивать о маме, мальчик замыкался и молчал. Но медсестры заметили – стоит в присутствии ребенка завести разговор о бабушках или дедушках, как мальчик сжимается в комочек и старается заползти в угол кровати.

Возраст ему назначили два с половиной года, день рождения решили записать на 23 февраля – мужик ведь! – фамилию дали простую и незатейливую: Смирнов. Хотя в пору было давать какую-нибудь более экзотическую, поскольку внешность мальчика мало подходила под чисто славянский тип.

Когда Саша поправился и окреп, он вдруг оказался очень симпатичным малышом, в венах которого смешалась азиатская и славянская кровь. Удачно смешалась, как это часто бывает у метисов: волосы черные, но не жесткие, а мягкие и слегка выющиеся, кожа не желтоватая, а лишь немного смуглая, личико скуластое, но черты тонкие и даже изящные. Но главное – глаза, миндалевидные, раскосые только чуть-чуть,

светло-карие. Огромные, красивые, обрамленные длинными пушистыми ресницами и... слепые.

Славного, послушного, ласкового парнишку, с трогательной робостью льнущего к любой тете, погладившей его по головке, было жалко до слез. Какой же сволочью надо быть, чтобы избивать такого кроху?!

А теперь его вряд ли кто усыновит, несмотря на симпатичную внешность. Кому нужен слепой ребенок?

Самое обидное, что слепота Саши Смирнова не являлась безнадежной, зрение можно было вернуть. Но для этого требовалась весьма дорогостоящая операция, сделать которую могли только за рубежом.

Вот только некому оплатить эту операцию, всевозможные благотворительные фонды с миру по нитке собирают на помощь смертельно больным детишкам, а тут – всего лишь слепота. Жить будет? Будет. Вот пусть и живет. Малыш хорошенький, авось приглянется каким-нибудь сердобольным американцам или еще каким иностранцам, они и усыновят мальчонку.

Вот так Саша Смирнов отправился дожидаться добрых и богатых усыновителей в специализированный детский дом. Специализированный в данном случае вовсе не означало элитный, с просторными светлыми спальнями на двоих, бассейном и вкусной едой. Это был специализированный детский дом для детей-инвалидов – слепых, глухих, безногих, с врожденными уродствами – всех, оказавшихся ненужны-

ми родителям и государству. Оно, государство, конечно же, не выбросило бедолаг на улицу, нет. Обогрело, накормило, занялось воспитанием и даже каким-никаким обучением. Пусть даже в случае Сашиного приюта – никаким. С голода не умирают? Одеты? Обуты? Пусть спасибо скажут.

Наверное, в Москве и других крупных городах такие детские дома находятся под более строгим присмотром контролирующих органов, а еще там близко спонсоры, да и потенциальных усыновителей больше.

Но Саше «повезло» попасть в обычный сиротский приют, забытый властью и органами опеки в глухой провинции. Почему его не оставили хотя бы в той же Балашихе, мальчик не знал. Может, там просто нет именно таких, специализированных, детских домов?

А здесь... Здесь несчастные детишки не нужны были никому. Денег на их содержание местная власть выделяла прожиточный минимум, лишь на прокорм, а на одежду, ремонт, игрушки директору детдома надо было искать средства самостоятельно. А еще – на врачей, лекарства, памперсы, инвалидные коляски, достойную зарплату персоналу...

Со всем вышеперечисленным у прежнего директора как-то не складывалось. Спонсоров в их захолустье не было, фирмачи в больших городах были перехвачены местными приютами, в бюджете лишних средств нет. На сиротские деньги мэр города выстроил свой «сиротский» домик, скромный такой, в три этажа, с бассейном, скукожившийся

на несчастных полутора гектарах.

Наверное, искренне любящий обездоленных ребятишек человек сумел бы привлечь внимание общества к проблеме детского дома, обратившись в газеты, на радио, на телевидение. Но спившийся Петр Степанович давно интересовался только наличием спиртосодержащих жидкостей в обозримом пространстве, персонал тащил все, что только можно украсть, и первые два года Саша в детдоме не жил, а выживал. Никто не занимался со слепым мальчонкой специально, как не занимались специально с глухими, безногими, безрукими. Дети всему учились самостоятельно, поддерживая друг друга. Было бы несправедливым говорить, что весь персонал детского дома отличался тотальным равнодушием к подопечным, среди воспитателей и нянечек встречались и добрые, душевные женщины. Но их было слишком мало, а детей слишком много. Успеть хотя бы обмыть и переодеть тех, кто сам это сделать не в состоянии!

Саша очень быстро стал самостоятельным, научившись передвигаться почти свободно. А еще – обслуживать себя и помогать другим, более беспомощным.

Через два года Петра Степановича наконец уволили, и на его место пришла Амалия Викторовна Федоренкова, особа деятельная и предприимчивая.

Высокая, стройная, ухоженная женщина больше походила на успешного столичного бизнес-менеджера, чем на директора зачуханного детского дома, разместившегося в бывшей

барской усадьбе в окрестностях небольшого российского городка Мошкино. Местные сплетницы так и не смогли понять, что заставило холеную москвичку приехать в их глушь утирать сопли убогим.

Хорошо, предположим, ей понравились здешние места – тихая зелень среднерусских лесов, свежий, чистый, вкусный воздух, хрустальная прозрачность небольшого озера неподалеку от детского дома. Но все это можно получить, купив дачу в этих местах. Живи себе с весны до осени, наслаждайся природой, а как зарядят дожди – домой, в Москву, в цивилизацию.

Потому что осень и зима в Мошкино умиротворения не вызывали. Ну вот совсем. Зелень с деревьев линяла, трава – тоже, и до первого мороза добраться до того же приюта можно было только на тракторе, так расклякивалась дорога. В самом городишке грязи тоже хватало, поскольку грунтовых дорог там было больше, чем асфальтированных. Как, впрочем, и домов с печным отоплением. И это в начале двадцать первого века!

Градообразующим предприятием Мошкино являлась «Сельхозтехника», где реанимировались убитые в боях за урожай трактора «Кировец» и «Беларусь». А еще – местный рынок. Вот, собственно, и все. Из значных, так сказать, мест – ресторан «Русь» и кафе «Встреча». Для молодежи – ночной клуб «Русалка», именуемый в народе «Давалка».

И сюда, в эту дыру, приехала такая шикарная женщина?!

Да, в самом Мошкино она жить не стала, в пределах бывшей барской усадьбы в темпе был отстроен небольшой уютный коттеджик в два этажа, и сама усадьба волшебным образом преобразилась: вокруг территории вырос высоченный забор, украшенный по углам видеокамерами, попасть внутрь без специального пропуска или личного разрешения директора теперь было нельзя, от трассы к воротам заасфальтировали дорогу, и к приюту зачастили сверкающие лаком иномарки.

Что происходило внутри, мошкинцы не знали – весь прежний персонал был уволен, Амалия Викторовна полностью сменила команду. Но, видать, неплохо шли теперь дела у сироток, нашла-таки директорша щедрых спонсоров. В хорошую погоду, особенно летом, малышей почти каждый день водили к озеру, где стараниями Федоренковой оборудовали очень хороший пляж. Пользоваться им разрешалось и жителям Мошкино, но при исполнении обязательных условий – на пляже не гадить, водку не пить, а при появлении детей из приюта немедленно освобождать территорию.

Почему? Потому что размер пляжа не позволял свободно размещаться всем желающим. Мошкинцы ворчали, но условия выполняли, больно уж местечко хорошее получилось: песочек беленький, чистенький, дно тоже вычищено, ни битых бутылок, ни тины, ни коряг – курорт!

Отчаявшись найти причину добровольной ссылки Амалии Викторовны в их глушь, жители славного города Мош-

кино постепенно даже зауважали новую директоршу. Как бы там ни было, приютские детишки из полуголодных заморышей, большинство из которых не умело даже разговаривать, превратились в ухоженных веселых малышей. Во всяком случае, именно таких выводили на пляж в сопровождении нескольких воспитательниц. В детском доме появились ребятишки постарше, лет десяти-одиннадцати, тогда как раньше здесь были только дошколята. Старшие присматривали за младшими, помогая воспитателям, а еще – разговаривали теперь почти все. У глухих детишек местные видели в ушах какие-то горошинки, слуховые аппараты, что ли?

В общем, через пять лет после появления Амалии Викторовны бывшая барская усадьба совершенно преобразилась. Теперь это заведение действительно напоминало элитный детский дом, о котором заботится куча спонсоров.

Юные обитатели приюта тоже были довольны жизнью, и даже очень. Их вкусно и сытно кормили, расселили по три-четыре человека в комнате, причем так, чтобы дети могли помогать друг другу. Предположим, слепых селили вместе с детишками, «награжденными» физическими уродствами, а глухих – с безногими, и так далее. Маленьким инвалидам было доступно теперь любое медицинское оборудование, включая новомодные кресла-каталки и специальные кровати.

В каждой комнате стоял телевизор, а также имелся собственный санузел.

Ну а то, что население детского дома постоянно менялось, никого не волновало. Просто счастливичиков усыновляли. Еще малыши часто болели и умирали, но и это понятно – инвалиды ведь, здоровых малышей здесь в принципе нет.

Правда, некоторые из ребят, подрастая, начинали задавать воспитателям ненужные вопросы. И вскоре после этого их усыновляли.

Саша Смирнов, к десяти годам превратившийся в очень красивого парнишку, вопросов не задавал.

Потому что хотел жить. И найти маму.

ГЛАВА 2

Пару лет назад Саша «посмотрел» старый американский боевик «Слепая ярость» с Рутгером Хауэром в главной роли. Они с другом и соседом по комнате Виталиком, у которого вместо рук были какие-то рудиментарные ласты, фильмы всегда смотрели вместе. Саша слушал звук, а Виталик рассказывал, что в этот момент происходит на экране.

Герой Хауэра, лихо расправлявшийся с гадскими гадами мечом, ориентируясь лишь на звук, настолько впечатлил мальчика, что он решил тренироваться.

Саша давно уже свободно передвигался по территории детского дома, и по участку, и на озеро. Он наизусть выучил топографию снаружи и планировку внутри, поэтому трудностей с прогулками у мальчика не было. Но чтобы так, по слуху, ходить себе спокойненько везде и всюду, давать отпор всяким козлам, пытающимся обидеть слепого, — о возможности подобного Саша раньше даже и не думал.

К тому же на момент просмотра ему было около восьми лет, и мальчик пока не задумывался над происходящим в детском доме, просто наслаждаясь жизнью, с каждым годом становившейся все более комфортной. Не было больше вонючих, записанных матрасов без простыней, тошнотворной бурды, от которой постоянно болел живот, но отказаться, не есть ее Саше даже в голову не приходило. Потому

что главным, постоянным чувством, которое испытывал ребенок, был голод. А потом – страх. Страх замерзнуть на улице, не успев вернуться с прогулки, страх быть избитым полупьяным директором, которого раздражали воспитанники, шляющиеся по коридорам. Страх обмочиться, не дождавшись своей очереди в единственный работающий туалет. Тогда изобьет завхоз, здоровенная тетка с прокуренным басом. Изобьет и заставит лично стирать штанишки в ледяной воде, шоркая их склизким хозяйственным мылом. А потом либо натягивать на себя мокрые, либо ходить без штанов, дожидаясь, пока они высохнут. Но это было слишком унижительно, к тому же слепой мальчик не мог дать отпор вздумавшим поиздеваться. А таких хватало даже среди дошколят, особенно среди тех, кто был уродлив. Смазливая рожица и безупречное телосложение Сашки Смирнова вызывали у них черную зависть, и шести-семилетки не упускали возможности обидеть четырехлетнего малыша.

А потом вдруг все изменилось, и жизнь стала именно жизнью, а не выживанием. Саша узнал вкус нормальной пищи, конфет, фруктов, привык ложиться в чистую постель, с простыней, пододеяльником и наволочкой. У него появились друзья – мальчишки, с которыми он теперь жил в одной комнате. Виталик Кравченко с лапами вместо рук, Сережа Лисицын с «волчьей пастью» и тоже слепой Илюша Лопарев. Они помогали друг другу во всем, а высокий, сильный не по годам Сережа всегда разбирался с обидчиками.

Правда, драк и взаимных пакостей в детском доме стало гораздо меньше, ребятишки перестали быть забитыми голодными зверенышами, они стали людьми. Злоба, конечно, никуда не исчезла, но теперь она не главенствовала, а пряталась по углам, таякая исподтишка.

Мальчики очень сдружились и расставаться не хотели, но в глубине души каждый из них надеялся, что настанет день, и за ними придут новые мама и папа. Которые не посмотрят на физические недостатки, примут их и будут любить. А уж как готовы были любить маму и папу пострадавшие детские души!

Но за ними пока не приходил никто, хотя за эти годы усыновлений и удочерений становилось все больше.

Однажды Сережку вызвали на очередной медосмотр, которые проводились в приюте ежемесячно, и через полчаса мальчик вбежал в комнату, радостно завопив с порога:

– Пацаны, меня скоро усыновят!

– Ой, как здорово! – заулыбался тихий, болезненный Илюша, возившийся с конструктором. – И кто?

– Я пока точно не знаю, но Пипетка, – Пипеткой ребятишки называли высокую и тонкую Наталью Васильевну, детдомовскую докторшу, действительно чем-то напоминавшую упомянутый медицинский предмет, – сказала, что я кому-то понравился, и они даже готовы сделать мне операцию, чтобы я был похож на человека, но сначала мне надо подлечиться в нашей больничке.

– В больничке? – нахмурился Саша. – Слушай, Серый, а ты не боишься?

– Чего?

– А я заметил, что те, кто попадает в нашу больничку, очень часто вообще не выздоравливают, а умирают.

– Фигня, умирают только совсем уж задохлики! – отмахнулся Лисицын, падая на свою кровать. – А другие, наоборот, выходят оттуда совсем здоровыми и чувствуют себя гораздо лучше, чем раньше. Помнишь, Илюшку на две недели туда положили, когда он кашлял?

– Да, – кивнул Илюша, – у меня перестало в груди свистеть, и задыхаться я перестал. Хотя сначала было совсем плохо. Мне там все время капельницы ставили и кололи. Зато там вообще здорово – лежишь один в палате, чего захочешь, то и принесут. И телевизор с DVD есть для тех, кто видит. Мне и мороженое приносили, и бананы, и шоколадные батончики, какие просил. Здорово было! – Мальчик мечтательно зажмурился. – Я бы еще хотел там полежать!

– Обойдешься! – подпрыгнул на кровати Сережа. – Теперь моя очередь! Щас придумаю, какие фильмы на DVD посмотреть хочу! Правда, у меня вроде и не болит ничего, но Пипетке виднее.

– Ну, не знаю, – с сомнением протянул Саша. – Но мне там не нравится. Я когда мимо того крыла, где больничка находится, прохожу, у меня прям мурашки по коже и по спине словно кто-то холодной лапой водит.

– Это потому, что ты у нас девчонка! – хихикнул Виталик.

– Щас как дам за девчонку в глаз! Сам ты девчонка!

– Не-а, я совсем непохож. А вот ты – похож. Ты бы хоть ресницы себе обстриг, что ли, а то ходишь, хлопаешь, скоро взлетишь, как в той прикольной песенке.

– Пошел ты! – Саша, сопя, отвернулся.

Виталик спрыгнул с кровати, подошел к другу и примирительно толкнул его ластом в бок:

– Сань, ну не дуйся, я же шутил. Хотел тебя развеселить, чтоб страшилки нам не рассказывал. С Серым все будет хорошо, он ведь даже не болен. Его, наверное, хотят перед операцией полечить, чтоб сильнее был и крепче.

На следующий день Сережа Лисицын был отправлен в медицинский изолятор, который дети называли больничкой, и больше друзья его не видели. Викуська – в миру Виктория Викторовна, воспитательница, – сказала, что Сережу усыновители забрали прямо из больнички и сразу увезли на операцию. И что Сережа обязательно придет к друзьям в гости, как только окончательно поправится, потому что очень хочет похвастаться новой внешностью.

Но Сережа не приехал. Его койка месяца три пустовала, а потом в комнату поселили новенького, Гошку Кипиани, переведенного сюда из другого приюта. Гошка был карликом, но родители от него не отказывались, до шести лет мальчик жил в семье, а потом отец с матерью погибли в автокатастрофе. Мальчика вначале определили в обычный детский дом,

но там его задразнили, и Гошу привезли в Мошкино.

Ребята быстро сдружились с веселым компанейским парнишкой и больше не ждали в гости Сережку Лисицына. Да ну, чего ради он потащится сюда, особенно если родители живут в какой-нибудь Москве. У него там новые друзья, здоровые, нормальные, Серый теперь в шоколаде.

И только Саша не верил в это. Где-то в районе сердца появился тяжелый камешек, который давил каждый раз, когда мальчик думал о Сережке.

А потом он «посмотрел» этот фильм. И, заказав в библиотеке копию «Слепой ярости» на диске, «смотрел» его снова и снова, уже в одиночестве, потому что сюжет помнил наизусть. Смотрел до тех пор, пока в голове не сложилась своя система тренировок.

И Саша начал заниматься по этой системе. Меча, конечно, у мальчика не было, но его прекрасно заменяла палка. И если сначала это была специальная гимнастическая палка из спортзала, то потом Саша научился управляться с любой подходящей.

У преподавателя физкультуры, Владимира Игоревича, мальчик узнал комплекс упражнений на растяжку, а заодно – как правильно заниматься, чтобы тренировки приносили пользу, а не вред.

Физкультурник, поначалу скептически отнесшийся к энтузиазму хилого слепого пацаненка, через полгода сам начал помогать Саше. Зачем? А он поспорил с Маратом, начальни-

ком охраны, что сможет сделать из убогонького настоящего ниндзя.

Если успеет, конечно, и парнишка не пойдет в «производство».

И чем больших успехов достигал Сашка, тем больше Вовану (Владимиру Игоревичу) хотелось выиграть спор. Да и начальнику охраны становилось все любопытнее.

Надо выжать из слепого пацана максимум, а потом, может, удастся выкупить его у Амалии и можно будет зарабатывать на парне неслабые бабосы. Сначала просто показывать его, как дрессированного медведя в цирке, а позже, когда подрастет, выставлять его в боях без правил. А че, слепой боец – это же круто, народ косяком попрет!

Для того чтобы Саша Смирнов не пошел в «производство», необходимо было содействие докторши, Натальи Васильевны, и Вовану с Маратом, предпочитавшим теток курстодиевских форм, пришлось бросить жребий – кому заняться тощей гримзой.

Жребий влетел в лоб... гм, впрочем, в данном случае задействовался вовсе не мозг размером с грецкий орех, в ход шла прямо противоположная часть тела, вот туда жребий физкультурнику и влетел.

Пипетка, давно млевшая при виде мускулистого тела Владимира Игоревича, отдалась этому телу с радостным визгом. И два года Сашу Смирнова не трогали.

За это время ушел в больничку и не вернулся Илюша,

потом усыновили Виталика, и из прежнего состава комнаты остался один Смирнов. Все остальные мальчики были из новеньких.

И все они просто обожали директора детского дома, такую красивую, такую добрую Амалию Викторовну, их Мамалию.

Воспитанники детского дома старались как можно чаще попадаться Мамалии на глаза в надежде, что она обратит на кого-то внимание, погладит по голове, выделит, порекомендует следующим усыновителям.

И только Саша Смирнов, следуя советам своего тренера, прятался от директрисы или старался затеряться в толпе.

ГЛАВА 3

И не только потому, что так велел Владимир Игоревич. Мальчика буквально отталкивал от Амалии Викторовны ледяной холод, исходящий от дамы.

Мертвый такой, стылый.

А еще директриса ассоциировалась у Саши с черным цветом. Злым черным цветом, потому что существовал еще добрый, теплый черный цвет.

Именно такими были волосы у мамы. Мальчик ее почти не помнил, в душе, в самом укромном уголке, пряталось только ощущение бесконечной ласки, нежности и любви, вызываемое словом «мама». И Саша вовсе не ждал усыновления, ему не нужны были чужие люди, у него была мама. Которая любит его больше жизни и обязательно найдет. Обязательно. Надо только подождать.

Ну и пусть, что прошло уже столько лет! Мама просто не может за ним прийти, потому что не знает пока, где ее сын. А еще... Саша совершенно точно знал, что Смирнов – вовсе не его фамилия. У него другая, короткая, звонкая, похожая на звук колокольчика, но вот какая – мальчик вспомнить не мог.

Так же, как и лицо мамы, и ее имя. Впрочем, имени парнишка и не знал, для крохи в то время существовало только одно имя – Мама. А лицо... Саша совершенно точно знал –

его мама самая красивая. И самая необычная. Словно сквозь туман мальчик видел удлинённые жгуче-чёрные глаза, улыбающиеся ярко-алые губы, кожу цвета сливочного масла, но вспомнить лицо целиком не получалось.

Если бы он мог видеть! Давно бы уже сбежал отсюда и нашёл маму. И больше никого.

Потому что в его жизни были ещё бабушка с дедушкой. Но эти пушистые добрые слова заставляли сердечко парнишки трепыхаться от страха, потому что бабушка – это щипки, шлепки, подзатыльники и ругань, а дедушка – это вонь перегара и боль. Страшная, стыдная боль.

И, как стоп-кадр, воспоминание – ему опять больно, он плачет, но дедушка его не отпускает, внезапно дверь в комнату распахивается, на пороге бабушка, на лице – сначала непонимание, затем оно искажается яростью, бабушка хватается стоящий на гладильной доске утюг и бросается на дедушку. Тот отшвыривает Сашу в сторону, удар головой обо что-то острое и твердое, вспышка жуткой боли – и все. Свет исчез навсегда.

Поэтому бабушка с дедушкой ему не нужны. И папа тоже. Потому что его нет и никогда не было в его жизни.

Но ничего, он уже два года тренируется, он теперь много чего умеет, тело послушное и ловкое, спасибо Владимиру Игоревичу. Встречаются ведь хорошие люди, даже здесь, в приюте.

Хотя никто из нового персонала, пришедшего вместе с но-

вым директором, детей не обижал, воспитатели разговаривали тихими, ласковыми голосами, но это были серые голоса. Равнодушные и пыльные. Именно так слышал и видел их Саша.

Всем, кто работал теперь в специализированном детском доме, в глубине души на обездоленных судьбой детей было плевать. Они просто выращивали их, словно телят. Или попросят.

И только Владимир Игоревич проявлял искреннюю заинтересованность в судьбе Саши Смирнова, и за это мальчик почти привязался к физруку. Почти, потому что обостренная чувствительность души не позволяла мальчику полностью довериться учителю. Что-то мешало, давило, словно камешек по имени Сережа Лисицын. Только второй камешек был побольше, и звали его иначе.

Мальчик давно научился прятать настоящие чувства и эмоции под маской равнодушия. Слепому сделать это гораздо проще, потому что зеркала души были плотно завешены мраком.

А еще он перестал делиться своими мыслями и сомнениями с друзьями. Мальчишки все равно не верили ему, а импульсивный горячий Гошка даже пару раз в драку лез, защищая обожаемую Мамалию.

– Свинья ты неблагодарная, Санька, вот ты кто! – вопил коротыш, пытаясь достать верткого приятеля кулаком. – Да Мамалия все для нас делает, она живет ради нас! Вон сколь-

ко ужасов про детские дома показывают по телику, и секты там всякие организуют, и притоны, и насилуют детей! Да в том клопятнике, где я был до перевода сюда, меня давно бы уже придавили в каком-нибудь углу или еще чего хуже сотворили! И у вас тут, мне рассказывали, до Мамалии жуть была! А теперь – красота! Телик вон, учителя ходят, врачаха каждый месяц осматривает, на озеро ходим!

– А почему нас больше никуда, кроме озера, не отпускают? – Гошка так сопел, что Саше не составляло никакого труда уворачиваться от кулаков Кипиани. – Почему у нас нет никакой связи с внешним миром? Ни телефона, ни Интернета? И почему мы не ходим в школу, а?

– Потому что к нам ходят учителя! – поддержал Гошку восьмилетний Олежка, перекошенный так, словно его топтало стадо слонов.

– Ага, читать, считать и писать кое-как учат.

– Ну и хватит! – проворчал Валера, собрат Саши по несчастью. – Зачем нам больше? Мне лично и этого хватит, я самолеты строить не собираюсь. А по электричкам милостыню просить и так можно.

– Так ты что, – Гошка, устав гоняться за неуловимым Смирновым, изумленно уставился на Валеру, – нищим решил стать? Бомжем?

– Ну почему же бомжем, – усмехнулся слепой. – Государство мне жилье после детдома даст, Мамалия обещала. А нищим быть, между прочим, очень даже прибыльное занятие,

особенно если ты настоящий калека. Вот Олежке, к примеру, подавать будут много, тебе, Гошка, похуже, таких много, ну а нам с Сашкой надо научиться жалостливые песни петь. А че, пацаны, давайте свою бригаду организуем!

– Да пошел ты! – разозлился Кипиани. – Не собираюсь я нищим быть!

– А кем же ты будешь?

– Актером!

– Кем?! – заржал Валера.

– В кино сниматься буду!

– Ты че, опух? Карлик – и в кино!

– Да, в кино! Такие, как я, между прочим, тоже снимаются. Я американский фильм видел, сказочный, забыл, как называется, так там столько карликов снималось, целый народ из них создали, вот!

– Фигня это!

– Нет, не фигня...

Мальчишки заспорили, забыв о Саше, и он тихонько выскользнул из комнаты. Постоял, прислушиваясь. В коридоре никого не было, все сидели по своим комнатам. Погода за окном отличалась редкой гнусностью, с утра зарядил бесконечный дождь, и гулять никто не рвался. Воспитатели тоже ушли к себе, чего торчать в корпусах, если дети все равно носа из своих нор не высунут. Из-за дверей доносились звуки работающего телевизора, смех, о чем-то перешихикивались девчонки.

Вот и отлично, можно пробраться в спортзал и позаниматься. Физрук ему для этого не нужен, все упражнения Саша помнил преотлично и выполнять их мог без присмотра. А новых Владимир Игоревич пока не давал, заставляя до автоматизма отрабатывать освоенные. Ну и ладно, время есть, еще успеется.

Саша неслышно проскользнул вдоль коридора на лестницу и спустился в цокольный этаж, где располагался спортзал. Мимо всегда запертой двери, ведущей в больничку, парнишка всегда старался пройти как можно быстрее. Ему постоянно казалось, что дверь сейчас распахнется, и открывшийся проход в никуда мгновенно втянет его, Сашу, в ледяной мрак.

Как располагались комнаты за этой дверью, Саша не знал и знать не хотел. Но оттуда никогда не доносилось ни звука, ни крика, ни стона, лишь удушливая тишина обреченности. Хотя из больнички действительно иногда возвращались, причем некоторые избавлялись от врожденных патологий. Нет, не физических, патологий внутренних органов. Саша помнил малышку Настю двух лет от роду, которая не могла играть с детьми из-за какого-то порока сердца. Она обычно сидела на лавочке, бледная, с синими губами, и с завистью наблюдала за играющими сверстниками. Ее забрали в больничку, и надолго, больше чем на три месяца. Саша уже думал, что Настя больше не вернется, как не возвращалось большинство, но она вернулась. И бегала теперь вместе

с остальными детьми, звонко заливаясь хохотальными колокольчиками. А через год ее удочерили.

И тем не менее совать любопытный нос в больничку Саша не хотел. Быстрее мимо, быстрее!

Вот и цокольный этаж. Так, снова прислушаемся – тихо. Хотя нет, стоп! Из кабинета Владимира Игоревича доносится какая-то возня, приглушенное бормотание, стоны и вскрики.

Саша густо покраснел и на цыпочках прошмыгнул мимо кабинета, направляясь в спортзал. Опять врачаха с физруком в кроликов играют!

Вопросы полового воспитания в учебную программу воспитанников этого детского дома официально включены не были. Как, впрочем, и выключены. Все все знали. Но насилия, как в некоторых других подобных заведениях, здесь не допускалось. Любые попытки взрослеющих подростков поближе познакомиться с противоположным полом пресекались достаточно жестко. А о том, чтобы кто-то из взрослых посмел обидеть ребенка, и речи быть не могло. Слишком суровым было наказание.

Так, отработать удары и прыжки пока не получится, физрук может услышать, решит еще, что слежу за ним и врачихой. Очень надо!

Ну что же, займусь отжиманиями и подтягиваниями, потом можно будет поприседать, а там, может, и кролики угомонятся.

Но они не уgomонились. Мало того, решили переместиться из тесного кабинета в просторный спортзал, о чем Саша узнал слишком поздно. Сосредоточившись на подтягивании, мальчик упустил момент, когда парочка выпала из кабинета и, звеня стеклом, направилась к спортзалу.

Спрыгнув с турника, мальчик заметался в поисках убежища. Физрук точно по шее настучит, увидев его здесь. И ни за что не поверит, что Саша не подсматривал. Фу ты, не подслушивал, конечно.

Шаги и звон посуды приближались. Судя по глупому хихиканью Пипетки, посуда уже почти пустая. А значит, с логикой и разумными доводами эти двое сейчас вообще не дружат. Срочно прятаться!

Вот только куда? Прекрати метаться, словно таракан от тапка, остановись и подумай! Вспомни планировку спортзала, нахождение спортивного инвентаря.

О, вот оно! В дальнем левом углу должна лежать стопка матов. Высоченная такая груда недавно привезенных, свеженьких, пахнущих кожей матов. Они свалены не вплотную к стене, Саша с приятелями во время занятий физкультурой обнаружили там славенький такой окопчик, где можно было отсидеться и не играть в дурацкие детские игры с мячиком.

Едва мальчик успел юркнуть в окоп, как дверь распахнулась, и в спортзал ввалились незваные гости.

ГЛАВА 4

– И зачем мы сюда пришли? – Саше всегда казалось, что водка, которую пьют взрослые, в живот попадает не вся, впитываясь в язык, отчего язык распухает и начинает цепляться за зубы. Потому и говорят они так смешно, вот как Пипетка сейчас, к примеру. – Тут неуютно, холодно как-то! Пойдем обратно, а? А еще лучше – ко мне.

– Ага, и Федора к нам ввалится в самый неподо... непро... – ик! неподходящий – о, получилось – момент!

Грузные шаги приближались, чего и следовало ожидать, ведь сесть или лечь можно было только на маты. Саша свернулся улиточкой и забился в самый дальний угол убежища, туда, где верхние маты свешивались почти до пола. Здесь точно не найдут, если специально искать не будут. А вот перспектива находиться совсем рядом с... Ну и фиг с ними, кролями, я уши руками зажму.

– И зачем бы ей ко мне приходить? – глупо хихикнула врачаха. – Наша мадам обычно приказы по телефону отдает и на утренних совещаниях, ты же знаешь.

– А кто у нас вопит во время траха? Здесь, в цоколе, никто не услышит, а на этаже Федора мгновенно прибежит, ты же знаешь, как она не любит, когда сотрудники... – голос физрука осип, послышалось громкое сопение, игривые шлепки по рукам, потом пол ощутимо содрогнулся – парочка приня-

ла горизонтальное положение.

Саша приготовился зажать уши руками, но процесс не пошел. Вместо этого захныкала Пипетка:

– Ой, больно, попу ушибла! Мне тут не нравится, давай вернемся! И это... как его... эхо дурацкое какое-то! Словно хихикает кто!

– Ладно, вернемся, только сначала выпьем, че с тарой туда-сюда тягаться!

– А бокалы?

– Какие, на ..., бокалы? Только что из стакана употребляла, из пластикового. Пей лучше, а то сам справлюсь.

– А тебе – ик! – не хватит? Сегодня разве обезьянку свою не дрессируешь?

– Санька, что ли? Не, он сам дрессируется сейчас, я ему велел упражнения самостоятельно долбить.

– И как вообще, получается что? Не зря я его два года от Федоры укрываю? Ты же знаешь, пацан абсолютно здоровый, да еще и хорошенький какой, на нем фирма неслабые бабки заработать может. И мне мало не покажется, если он все-таки попадетсЯ директорше на глаза. Пока малой был, из толпы остальных убогих не очень выделялся – ик! – а теперь ему хоть капюшон какой на башку надевай. Слушай, а может, его изуродовать как-нибудь, а? Глаз выбить, что ли?

– Мысль, ваще-то, неплохая, – гыгыкнул физрук. – Вот только пока он после этого в форму вернется, все навыки собыются. Ты бы видела, что пацан творит! Он так насоба-

чился по слуху ориентироваться, что ни в жисть не догадаться, что слепой! Да и от природы данные неплохие, он же полукровка, из этих, из косоглазых, настоящий ниндзя. Жилистый, сильный, растяжка обалденная, а упертый какой! Я те говорю, из него выйдет толк! Вот только внешность – да, заметная. Я тоже про это думал.

– И надумал что-нибудь?

– А то! Только без тебя никак, моя бусечка, – мокрый, хлюпающий звук означал, видимо, страстный поцелуй.

– Все, что смогу, – томно простонала бусечка.

– Сможешь, тебе несложно. Надо оформить документы, что пацан умер, и вывезти его, только не в крематорий, как других, а в нужное место, которое я подыщу.

– Ну-у-у, не знаю, – смачный прихлеб из бутылки, после чего голос Пипетки совсем поплыл. – Ты ж-ж-же знаешь, у нас просто так не умирают, только от опытов в изоляторе. А если кто из убогих вдруг сам откинется, Федора такой скандал устроит! Допросами замучает, у нее ведь каждая единица в компьютере на учете. Я ваще не понимаю, почему она Смирнова до сих пор не заметила. Затерялся, ч-ч-че ли?

– Так в чем проблема? Оформи его в изолятор, но ничего не давай.

– А отч... отчихи... отчетность?

– О-о-о, вижу, тебе уже хватит, – хмыкнул физрук. – Ладно, пошли, сейчас с тобой на серьезные темы бесполезно разговаривать.

– Не хочу никуда идти, я тут посплю.

– Вот же зараза! – проворчал пылкий возлюбленный, взваливая окосевшую даму сердца на плечо. – Нажралась в сопли, а мне тягай эти кости! Быстрее бы Саньку отсюда вытащить, а там можно будет и от этой клизмы отвязаться! Надоела хуже горькой редьки, без водяры подойти к ней не могу...

Бурчанье, в которое удачно вплетались шаркающие звуки шагов тяжело навьюченного осла, постепенно удалялось, пока не затихло в районе кабинета физрука.

Саша выждал еще несколько минут, затем бесшумно выбрался из своего убежища и, оставшись на четвереньках, медленно пополз в сторону выхода, ощупывая пол перед собой руками. Вряд ли Владимир Игоревич, унося врачиху, озаботился сбором стеклотары, а устроить звучный бреньк, подфутболив случайно бутылку, почему-то не хотелось.

Хотелось побыстрее вернуться к себе, а еще лучше – забиться в какой-нибудь уголок, где никто не будет приставать с расспросами, и обдумать услышанное.

Главное – не заикливаться на плохом сейчас, иначе он не сможет сосредоточиться на дороге и обязательно на что-нибудь наткнется, уронит или упадет сам. В общем, привлечет к себе внимание, которое, как оказалось, смертельно опасно.

Все, заткнись, не думай ни о чем, придурок! Слушай пространство, сконцентрируйся! Вспомни дыхательные упражнения, которым тебя научил Владимир Игоревич...

Прекрати реветь, девчонка! Ну подумаешь, единственный человек, заботившийся о тебе, на самом деле просто дрессировал тебя, как обезьяну в цирке, ну и черт с ним! Ты же чувствовал, что ему нельзя доверять, так чего теперь разнюнился? Обидно? Лучше подумай о пользе, которую принес тебе дрессировщик. Ты же слышал – у тебя все получается хорошо, Владимир Игоревич доволен.

Поэтому немедленно сгреби себя в кучу.

Добравшись на четвереньках до двери, Саша поднялся и несколько мгновений делал дыхательные упражнения, помогающие успокоиться и сконцентрироваться. Кислород шустро побежал по крови, вычищая обломки страха и осколки боли.

Косоглазый, говорите? Изуродовать не мешало бы?

Добрые все-таки здесь работают люди, душевные.

Итак, что у нас тут?

А у нас в кабинете пас. Пипетка спасовала перед водкой и теперь дрыхнет на кушетке физрука. Сам же Владимир Игоревич, судя по звону посуды, стремится догнать подружку. Вот интересно, а что будет, если врачаха срочно понадобится Мамалии? Вернее, Федоре, кличка, данная директрисе сотрудниками, мальчику понравилась гораздо больше.

Федорино горе. Откуда это всплыло в памяти?

И вдруг... Мальчик пошатнулся и крепко вцепился руками в перила лестницы, по которой поднимался.

Ассоциативная цепочка, первым звеном которой стала

кликча директора детского дома Амалии Викторовны Федоренковой, разматываясь, выдернула из какого-то закоулка души радужный шарик воспоминания. Саша так давно искал этот шарик, но слишком уж далеко он закатился. И вот – появился, ярко вспыхнул, и...

Саша лежит в кровати, он совсем маленький, кажется, во рту еще есть соска-пустышка. А рядом, в кресле, уютно свернулась клубочком... Мама?!

Да, это она, мама. Молодая, стройная, красивая, густые черные волосы до плеч, брови вразлет, глаза действительно узкие, но не щелочки, они скорее миндалевидные. Точеный маленький носик, широкие скулы, кожа цвета сливочного масла. Лицо склонено над большой разноцветной книжкой, тихий голос произносит:

А за нею – утюги:

«Мы Федоре – не враги!»

А за ними – скалка:

«Мне Федору жалко!»

Саша перегоняет соску в угол рта и с трудом лепечет: «Ме Фидоу жако!»

Мама удивленно смотрит на него, затем удивление сменяется восторгом, она отбрасывает книжку, выхватывает малыша из кровати и, целуя, кружит по комнате:

– Заговорил! И сразу предложение выдал! Ах, ты мой умничка! Мой бельчонок родной! Тебе же еще и годика нет,

а ты уже болтаешь! Сашка Ким – самый умный мальчик в мире!

Он – Саша Ким, а не Смирнов! Ким! Звонко, словно колокольчик, он же помнил об этом! А теперь вспомнил и саму фамилию!

Теперь он найдет маму. Потому что вспомнил и ее.

Главное – выбраться отсюда.

А для начала – с лестницы и из коридора вообще.

ГЛАВА 5

Вернуться на свой этаж удалось без происшествий. А вот в холле пришлось уворачиваться от затеявших игру в догонялки малышей. Ничего, это очень хорошая тренировка, почти в полевых условиях.

Интересно, а служил ли на самом деле в спецназе, как он говорил, Владимир Игоревич? Саше всегда казалось, что в специальных войсках должны служить специальные люди, самые лучшие. И не только физически, они должны быть самыми честными, самыми справедливыми. И добрыми...

Ну вот, опять! Слабак ты, Саша Ким, а не самый лучший мальчик на свете! Где-то там, за воротами детдома, тебя ждет мама. Она в беде, это совершенно точно, иначе давно бы уже нашла сына. Ведь мама очень любила его, Саша это помнил. Нет, не правильно. Не любила, а любит. И у нее больше никого нет, кроме него, Саши. Он – единственная мамина надежда.

Поэтому прекрати хлюпать носом, надежда, и топай вперед. Из столовой пахнет свежей выпечкой, а значит, скоро полдник. Идти туда не хочется, голова гудит, никак не удастся полностью отвлечься от услышанного. А значит, надо не отвлечься, а привлечься. Сесть где-нибудь и разложить все по полочкам.

Мальчик представил здоровущий шкаф в голове с кучей

полочек и невольно хихикнул. Тогда и голова должна быть не круглой, а прямоугольной, как этот самый шкаф. А ключ в нос вставляется!

– Санька, ты чего тут встал и лыбишься? – Шаги Гошки он услышал давно, поэтому голос приятеля неожиданностью не стал и подпрыгивать озадаченным кузнечиком не заставил.

– Да так, вспомнил кое-что. Слушай, будь другом, сегодня на полдник булочки, захвати мою и притащи в комнату, хорошо?

– А сам чего? Там же еще сок в меню написан, вкусный, мультифруктовый.

– Не хочется сейчас, голова что-то болит. Ты мой сок выпей, разрешаю, но булку не вздумай слопать!

– Голова у него болит, – проворчал Гошка. – Меньше бы ты на турнике висел. Ой, здрасте, Амалия Викторовна!

– Здравствуй, здравствуй, – механически ответила директриса, появление которой Саша упустил.

Наверное, Федора была в какой-нибудь из ближайших комнат, поэтому он и не услышал цокота ее каблучков, заранее предупреждающего обычно о приближении Амалии Викторовны.

Мальчик ссутулился и наклонил голову, стараясь занять как можно меньше места в пространстве. Эх, сюда бы раковину какую или домик черепахи, чтобы можно было спрятаться и притвориться булыжником. Незаметным таким, серым.

Возможно, все так и получилось бы, поскольку директриса явно думала о чем-то своем и на болтающихся в коридоре воспитанников особого внимания не обращала.

Саша с облегчением слушал, как туфли Федоры, задержавшись возле них лишь на мгновение, зацокали по коридору дальше. И в этот момент фанат директрисы по имени Георгий Кипиани сиплым петушком кукарекнул ей вслед:

– Амалия Викторовна, а когда приходят усыновители, вы всех им показываете?

– Да, конечно, – рассеянно проговорила директриса, оставившаяся.

– И что, я за два года так никому и не понравился, да? – Голос Гошки задрожал. – А может, вы поищите среди семейных пар таких, как я? Они-то меня стесняться не будут...

– Ну что ты, малыш, говоришь такое! – Голос Федоры стал сладким и тягучим, словно мед. Правда, Саше он больше напоминал медленно стекающий по стенке сборного стакана змеиный яд. – Те, кто приходит в наш дом, знают, что здесь живут не совсем обычные дети, поэтому о стеснении и речи быть не может. Просто твои папа с мамой пока еще не доехали до нас. Но они обязательно доедут, вот увидишь! И знаешь, я думаю, что это произойдет совсем-совсем скоро.

– Правда? – задохнулся от радости Гошка. – Вы... Вы что-то знаете, да?

– Ну-ну, – журчала директриса, – давай не будем спешить. А то вдруг проговоримся, и не сбудется!

– Давайте, – прошептал мальчик.

– Ну вот и отлично. Напомни только мне свою фамилию.

– Кипиани.

– Да, конечно! Георгий Кипиани, как же, помню. Ты умеешь плавать, Георгий?

– Да, я в нашем бассейне научился!

– Ну, в море плавать гораздо легче, чем в бассейне, там вода соленая.

– В море?! – аж привизгнул от возбуждения мальчик.

Саша чувствовал, как радость, нет – восторг буквально переполняет его приятеля, и молил лишь об одном: чтобы Гошка не решил позаботиться и о нем. Молчи, парень, молчи, я знаю, ты добрый, очень добрый, ты не можешь быть счастлив один, тебе обязательно надо осчастливить остальных. Но это не тот случай, пожалуйста, молчи!

Но Гошка не услышал.

– Амалия Викторовна, а Смирнова куда увезут? – взхлеб затараторил он. – Его-то точно усыновят, я вообще не понимаю, почему Сашка до сих пор здесь, он ведь не то что я, он вон какой красивый!

– Смирнов? – озадаченно переспросила директриса. – Саша Смирнов?

– Ага, вот же он стоит! Видите? Он ведь всего лишь не видит, да и то натренировался так, что ходит везде и всюду сам, и получше некоторых!

Саша почувствовал, как к его подбородку прикоснулись

душистые пальцы, поднимая лицо. Аромат каких-то очень дорогих духов показался мальчику гнилостной вонью.

– Где же ты прятался от меня, Саша Смирнов? – тихо проговорила Амалия Викторовна. – Почему я тебя не видела? Или ты недавно к нам попал?

– Нет, что вы, Санька здесь жил еще при старом директоре! – Услужливый дурак хуже врага. Хотя в данном случае был не дурак, а наивный, счастливый до одури пацан. – Он у нас из стареньких, их почти уже не осталось, всех разобрали! И только Смирнова почему-то никто не взял! А вы его показывали?

– В том-то и дело, что нет, – проворковала Федора, ласково проводя пальцами по щеке мальчика. – Иначе его судьба давно была бы устроена.

– А почему не показывали? – никак не мог уговориться Гошка.

– Мне это и самой любопытно. Похоже, кто-то намеренно прятал от меня твоего друга.

– Зачем?

– Вот и мне интересно – зачем? – Саша был абсолютно уверен: у Амалии Викторовны Федоренковой вместо обычного языка – раздвоенный, змеиный. Неужели никто не слышит, как она шипит? – Спасибо тебе, Георгий, что обратил мое внимание на это безобразие, ты хороший друг. Можешь не волноваться, мы найдем для Саши самый лучший дом.

– Как у меня, на море?

– Да, как у тебя.

– Вот здорово! Слышишь, Сашка, мы с тобой скоро будем купаться в море!

– Скоро не получится, – прошептал Саша. – Не надейся.

– Почему это? Амалия Викторовна ведь обещала, ты сам слышал!

– Да, Сашенька, – он не видел, но был абсолютно убежден – директриса сейчас холодно усмехается, – почему ты считаешь, что в море вы с другом будете купаться не скоро?

– Потому что сейчас ноябрь, на море холодно.

– А ты еще и умница, – смердящие элитным парфюмом пальцы потрепали густую шевелюру мальчика. – До скорой встречи, Саша. А тебя, Георгий, я жду у себя в кабинете завтра утром, сразу после завтрака.

– Ур-р-ра!

– До свидания, мальчики.

Пальцы оставили наконец в покое Сашины лицо и волосы и убрались вместе с директрисой.

Едва цокот ее каблучков окончательно затих, мальчик сполз по стене на пол и, обхватив руками колени, спрятал лицо, едва сдерживая слезы отчаяния.

Их с Гошкой обступили остальные воспитанники детдома и принялись переспрашивать снова и снова – как это было? Как Гошка отважился заговорить с Мамалией, как она заинтересовалась, а потом пообещала папу с мамой, живущих у моря! И Гошка, вот молодец какой, не забыл про друга! Вот

же повезло! Немудрено, что Сашка вон плачет сидит, небось и не мечтал о таком счастье! Вон сколько лет тут торчит, и никто даже не заинтересовался, а оказывается, его документы просто затерялись. Видите, надо не стесняться, спрашивать Мамалию, и все получится!

– Сашка! – Дружеский пинок в плечо. Это искрящийся счастьем пузырь, именуемый Георгием Кипиани, наткнулся на приятеля. – Чего разнюнился! Все же здорово получилось, а ты еще на Мамалию гнал! Видишь, какая она! Ну, ты спасибо скажешь или как?

– Или как, – Саша рукавом вытер предательские слезы, медленно поднялся и, едва сдерживаясь, тихо проговорил: – Если бы ты знал, Гошка, что ты натворил! Если бы только знал!

– А чего я такого натворил? – Бледное, искаженное вовсе не радостью лицо приятеля напугало мальчика, где-то возле сердца ворохнулась тревога. – Я тебя не понимаю!

– И не поймешь, поздно уже, – махнул рукой Саша и, сгорбившись, побрел прочь. – Нам теперь никто не поможет.

Гошка растерянно обвел глазами притихших детей, затем встряхнул головой, словно отгоняя ненужные мысли, и с веселым гиканьем понесся в столовую, за булками.

ГЛАВА 6

За ним утопали и все любопытствующие, потому что расспрашивать Смирнова было совсем неинтересно. Это то же самое, что расспрашивать стенку, к которой прижимался спиной Сашка.

Вообще псих какой-то! На Гошку набросился, вместо того чтобы спасибо сказать! Ему что, тут, в приюте, очень нравится? Нет, здесь нормально, конечно, Мамалия старается, а еще – в школу ходить не надо, это же вообще суперски!

Но разве может все это заменить настоящую семью, маму с папой?! Да еще у моря, как пообещали Гошке и Сашке!

Ну его, этого Смирнова!

Гадские слезы все-таки выползли из глаз и намочили джинсы возле коленей. А ходить зареванным, вызывая ненужное любопытство тех, кто еще не в курсе, не хотелось. Так можно и кулаком в нос заехать какому-нибудь особо любопытному. И, по большому счету, ни в чем не виноватому.

Все равно он не сможет ничего объяснить, потому что сам толком ничего не знает. Есть только подозрения, вызванные ощущениями. И подслушанный недавно разговор физрука с врачихой.

Ладно, хватит торчать тут скукоженной дулей, надо убраться куда-нибудь подальше и подумать. Вот только куда?

Впрочем, забиваться под плинтус пока рано, лучше со-

брать как можно больше информации. А потом в темпе решить, что делать дальше.

Потому что сдаваться нельзя. Он – единственная мамина надежда, и если его больше не будет, мама останется совсем одна. А так нельзя. Человек не должен быть один.

Саша поднялся и направился в сторону кабинета Федоры. Волшебное слово «полдник» сделало коридор почти пустым. Почти, потому что Саша-то там был, верно?

А вот остальных воспитанников специального детского дома смело запахом выпечки в сторону столовой. Но пробудут они там недолго, полдник – это вам не ужин, с булкой и соком народ расправится очень быстро.

Поэтому следовало поторопиться.

Кабинет Амалии Викторовны Федоренковой находился на третьем этаже. Там же размещались комнаты для занятий с проходящими учителями, вотчина Пипетки, воспитательская и еще какие-то служебные помещения. Саша толком и не знал, потому что не интересовался.

Он вообще на этом этаже старался бывать как можно реже, только когда приходили учителя. На медосмотры Пипетка его не вызывала, осматривая обычно в кабинете физрука, в воспитательскую детей никогда не приглашали, а кабинет директрисы мальчик раньше старался обходить стороной. Желательно – вообще не подходить к нему.

Но теперь надо не просто подойти, а постараться спрятаться неподалеку, чтобы услышать как можно больше.

Где он будет прятаться, Саша пока не знал. Времени на тщательную проработку плана не было, со стороны столовой уже слышались радостные вопли подзаправившейся детворы. А он только добрался до двери, ведущей на третий этаж.

Так, теперь, несмотря на спешку, надо остановиться и прислушаться, забодать кого-нибудь из взрослых не хотелось бы. Хотя на закономерный вопрос: «А что ты тут делаешь?» – всегда можно жалобно пронять: «Заблудился я нечаянно! Я в столовую шел». Слепой, что с него возьмешь!

Но тогда его отведут в столовую, и он ничего не сможет узнать.

А если вдруг Федора на пути случится? Это вообще кобздец.

Но в холле третьего этажа никого не было. В кабинетах, конечно, кто-то был, приглушенные голоса этих «кого-то» Саша слышал, но выйти в коридор пока никто не собрался. Тогда – мухой к норе Федоры!

Ну, мухой не мухой, а добрался до нужной двери мальчик быстро и бесшумно. Замер, прислушиваясь, – в директорском кабинете было тихо. Совсем. Ни голоса, ни шагов, ни скрипа стула, в конце концов. Похоже, Федора после встречи с неизвестным ей раньше воспитанником Смирновым с ходу отправилась на разборки.

А может, булки лопать пошла, какая разница!

Сердце мальчика трепыхалось в груди, словно найденный когда-то под деревом воробышка. Они с друзьями, с теми,

которых уже нет, нашли выпавшего из гнезда птенчика под деревом во время похода к озеру. Сережка тогда быстренько слазил наверх и вернул бедолагу домой, Саша подержал хрупкое тельце в ладошках всего несколько мгновений, но на всю жизнь запомнил это ощущение заполошного метания. А еще – безграничной власти над чужой жизнью. Стоило всего лишь сжать ладони посильнее. И станешь таким, как Федора.

Все, сердце, не суетись, а то твой грохот мешает мне слушать. И соображать.

Ладно, хуже уже вряд ли будет, у него и так перспективы теперь не самые радужные.

Саша осторожно повернул ручку двери. Скорее всего, заперто, но проверить надо.

Опаньки, а вот и не заперто!

Видимо, госпожа Федоренкова была абсолютно убеждена, что соваться в ее кабинет без спроса никому и в голову не придет. Авторитет защищал ее апартаменты лучше бойцового пса.

Но не в данном случае. Авторитет, безмятежно куривший бамбук на кожаном диване в углу кабинета, обалдело вскочил, увидев, как в святая святых нагло вламывается какой-то пацан. И не только вламывается, но и начинает шарить руками по столу, стенам, шкафам. Слепой, что ли?

Точно, слепой. Тогда все ясно, болван просто заблудился, это вовсе не наглое игнорирование его, авторитета, а значит, можно дальше курить. Заодно и понаблюдать за слепым

щенком, чем не развлечение! Ишь, тычется по углам.

О, глянь, на дверь в санузел набрел! Что, придурок, перепутал с входной? Точно, перепутал. Вон, заполз туда и закрылся. Интересно, сколько времени ему понадобится на то, чтобы понять свою ошибку?

Прошла минута, другая, а пацан все не выходил. Совсем тупой, похоже! Трудно сообразить, что в коридоре в принципе не может быть раковины, узкой душевой кабинки и, pardon, унитаза?

Видимо, трудно. Ну, что с дебила возьмешь? О, вот и владелица пожаловала, пусть сама разбирается.

А ему работать пора, хотя очень не хочется. Но, увы, никуда не денешься, мадам уже телефонную трубку сцапала и номер набирает. И, судя по перекошенному от злости лицу, будет давить авторитетом на собеседника.

Ладно, поехали.

Амалия Викторовна раздраженно постукивала пальцами по столу, слушая протяжные гудки. Ну и где эта тощая сучка шляется? В кабинете ее нет, в столовой – тоже, мобильный не отвечает. Вот же тварь, а! Посмела затеять свой маленький бизнес у нее, Амалии, за спиной!

Федоренкова еще раз набрала номер мобильного телефона подчиненной, отвечавшей за медицинскую часть бизнеса. Длинные нудные гудки. Она что, телефон где-нибудь оставила?

Будем искать. Докторша обязана быть на территории,

уехать из детского дома без письменного разрешения директора никто не может, охрана не пропустит. Так, а может, дражайшая Пипетка (Амалия Викторовна прекрасно знала, как зовут дети Наталью Васильевну, знала она и о своей кличке, но слезы умиления по этому поводу не роняла) уже домой отправилась, несмотря на то что расходиться по квартирам персоналу разрешалось только после ужина?

Все, работающие в Мошкинском приюте, жили в специально отстроенном на территории трехэтажном доме, вернее, общежитии гостиничного типа. Уютные однокомнатные апартаменты с маленькой кухонькой и собственным санузлом были достаточно удобными для того, чтобы прожить в них практически безвылазно два года. Именно на столько подписывали контракт новые работники. Амалия Викторовна строго следила за тем, чтобы обслуживающий, так сказать, персонал – уборщицы, повара, мойщики посуды, охранники, нянечки, санитарки – постоянно менялся.

Иначе могли возникнуть ненужные вопросы и сложности. А так проработал человек два года без отпуска, получил очень даже неплохие деньги – и на волю. Новый контракт директор детского дома с работниками не подписывала никогда, как бы ни старался этот работник зарекомендовать себя с лучшей стороны.

А вот воспитатели, врач, две медсестры и начальник охраны работали с Амалией Викторовной все пять лет, прошедшие с момента появления мадам Федоренковой в специаль-

ном детском доме.

Это были люди посвященные, единая команда, отобранная лично Джереми Д. Николсом, владельцем заводов, дворцов, пароходов, а также – крупного банка, газеты, сети ресторанов, добропорядочным и всеми уважаемым английским бизнесменом. Прекрасный семьянин, отец двух очаровательных девчушек, одна из которых родилась с серьезными патологиями, и доктора давали ей не больше трех лет жизни. Но малышка выжила и даже почти выздоровела, сейчас ей уже двенадцать, и все это благодаря отцу! Мистер Николс даже специальный благотворительный фонд учредил для помощи тяжелобольным детям! А еще он огромные средства жертвует на разработку новых лекарств. Его сама королева обсэри-ла за заслуги! В смысле – в рыцари посвятила, и теперь он сэр Николс.

В общем, прямая дорога такому человеку в премьер-министры, не меньше. Но мистер сэр Николс в политику почему-то не спешил, несмотря на неоднократные предложения тори и лейбористов.

Потому что не хотел привлекать излишнего внимания к своей персоне. Ведь стоит сунуться в политику – и любопытные носы вездесущих журналистов непременно начнут лезть куда не надо, раскапывать чего-нибудь погрязнее, повонючее.

И наткнутся на скрытый, тщательно прикопанный бизнес, являвшийся основным источником доходов.

Грязный бизнес, кровавый.

Частью которого вот уже пять лет являлся старательно забытый органами опеки (правда, теперь забывчивость очень хорошо оплачивалась) специализированный детский дом, притаившийся в окрестностях маленького городка Мошкино.

ГЛАВА 7

Амалия Викторовна набрала домашний номер Пипетки. Вернее, номер телефона служебной квартиры врача детского дома. Постоянный персонал, лица (и все остальное тоже), так сказать, посвященные, жили в том же доме, что и остальные, но в другом крыле. У них даже вход был отдельный, да и квартиры получше. А еще их отпускали на отдых, потому что торчать в этой тмутаракани безвылазно все пять лет – вредно для психики.

Хотя психику этих самых доверенных лиц, как, впрочем, и самой директрисы, здоровой назвать было трудно. Не может нормальный человек спокойно творить такое!

Дома Пипетки тоже не оказалось. Она что, откуда-то узнала о встрече в коридоре? Нет, это вряд ли, там никого, кроме детей, не было.

Может, тайком решила в город мотнуться? Это категорически запрещено, но Амалия знала, что воспитатели иногда умудрялись обойти запрет. Если она узнавала о подобном, провинившихся наказывала весьма жестко. В основном директор била по самому больному, самому нежному и незащищенному месту – кошельку.

Федоренкова набрала внутренний номер КПП.

– Охрана! – гавкнула трубка.

– Сегодня без моего разрешения никто с территории вы-

браться не пытался?

– Нет, что вы, Амалия Викторовна! – Голос начальства знали все.

– А Наталья Васильевна, наш врач?

– Не видели. А что, на территории ее нет?

– Была бы – не спрашивала.

Федора уже хотела нажать кнопку отбоя, но на заднем плане вдруг послышалось негромкое бормотание, прибитое, как таракан тапкой, дружным гоготом и свирепым шепотом отвечавшего по телефону: «Да заглохните вы, козлы!»

– Так, – повысила голос Амалия. – Ну-ка, быстро доложите, что такого смешного нашли ваши коллеги в моих словах?

– Это не ваши слова, – заблеял охранник, – это насчет врачихи. В смысле – Натальи Васильевны.

– И что там в смысле?

– Так это. – Федоренкова почти видела, как взмок бедняга. – Как-то оно...

– Прекратите мямлить, отвечайте по существу! – рявкнула мадам.

– Слушаюсь! Короче, парни видели, как врачи... Наталья Васильевна, с физруком... ну... это...

– Поняла, спасибо.

Амалия нажала кнопку отбоя и несколько минут посидела, задумчиво рисуя на листке бумаги разнообразные загогулины. Интересная картинка получается: в команде образовалась парочка, а она об этом понятия не имеет. Да еще и

ситуация со Смирновым! Если об этом узнает Джейди (Николс терпеть не мог этого прозвища, напоминавшего о при-
дурке из сериала «Клиника»), стул под директрисой зашатается, причем весьма ощутимо.

Потому что Джереми Д. Николсу не нужен на ключевом посту человек, у которого ситуация выходит из-под контро-
ля.

И вот почему-то кажется, что оба сегодняшних неприят-
ных открытия прочно связаны. В том, что Смирнова скрыва-
ла Пипетка, сомнений нет. Только она могла прятать личное
дело мальчика от глаз директора. Но вот зачем? Самой вра-
чихе это вряд ли надо, о жалости к хорошенькому парнишке
и речи быть не может, работавшие на Николса были лише-
ны столь атавистического чувства, как жалость. Здесь имеет
место корыстный интерес. А может, наоборот – место име-
ет интерес, но суть от этого не меняется: слепой мальчишка
зачем-то нужен. Кому? Да уж не Пипетке точно, ветер дует
явно со стороны накачанного самца Владимира Игоревича.

Ну что ж, разберемся.

Амалия набрала номер мобильного телефона физрука.
Тот ответил довольно быстро, вот только с дикцией у парня
складывалось не очень:

– Здравсьть, Аммалия Вихторовна.

– Любезный друг, – зашипела-зашептала Федоренкова, –
да ты никак нажрался в сопли?

– Никака нет.

– Что?

– В смысле, – заторопился самец, – не нажрался. Ну, то есть выпил, конечно, но в меру...

– Я слышу, в какую меру. А что касается «выпил, конечно», то какое может быть «конечно» в разгар рабочего дня?

– Так у меня сегодня уже занятий с материалом нет, я с утра с ними отработал норму.

– Ну да, и решил с Натальей Викторовной развлечься?

– Кто, я?! – Удивление было слишком уж нарочитым. – С докторшей? С чего вы взяли?

– Она у тебя? – Амалия не собиралась тратить время на бесполезные споры.

– Да что вы... – начал было отнекиваться физрук, но тут раздалось громкое, противное, совершенно немзыкальное исполнение нетленки Аллы Борисовны Пугачевой «Без меня тебе, любимый мой, земля мала, как остров!».

Причем «как остров» звучало одним словом, отчего завывание стало совсем уж неприличным. Но голос врача детского дома Натальи Васильевны Поливайко не узнать было невозможно.

– В общем, Владимир Игоревич, – холодно приказала Амалия, – даю вам с Натальей Васильевной полчаса на приведение себя в адекватное состояние. После этого жду в своем кабинете. Не уложите – пеняйте на себя. У вас и так положение очень серьезное, кое-что объяснить должны.

– Что объяснить? – выдохнул перепуганный физрук.

– Через полчаса.

Амалия отшвырнула трубку и, нервно щелкая суставами на пальцах, подошла к окну. Позитива в настроение заоконье не прибавило, трудно найти позитив в темных ноябрьских сумерках, когда снега еще нет. А то, что сыпет сейчас с неба, нельзя назвать ни дождем, ни снегом. Так, изначальноная слякоть.

Как и большинство людишек. Так трудно найти квалифицированный, лишенный слюнтяйства и надуманной человечности персонал, для которого дело – прежде всего. Дело, конечный результат, а не то, какими методами удастся достичь этого результата. Большинство же, узнай они о бизнесе мистера Николса, моментально устроили бы вселенский гвалт: кошмар, это же дети, вы что творите такое, мерзавцы!

Да какие это дети! Отбракованный самой природой, не нужный ни родителям, ни государству материал – вот кто это. Вернее, не кто, а что. Материал не может быть одушевленным.

И каждая единица этого материала должна быть учтена, ведь это не только набор пригодных для пересадки органов, это и подопытные кролики для испытания новых методик лечения, новых лекарств, новых технологий в медицине и косметологии. Эти слюнтяи гонят на фашистов, но тем не менее до сих пор пользуются разработками доктора Менгеле из Освенцима.

Но, помимо чисто прикладного использования каждой

единицы, существовала и другая сторона бизнеса, когда единица нужна была целиком, а не по частям. И не в качестве подопытного кролика.

На свете хватает извращенцев, которых тянет не к привлекательным сексуальным партнерам, а совсем наоборот. Чем уродливее, ужаснее искорежено тело объекта сомнительной страсти, тем больше этой самой страсти.

Поэтому мистер сэр Николс приторговывал и уродцами для подобных извращенцев. А уж когда уродцы были малолетками – товар стоил намного дороже. Намного.

В общем, каждая единица в Мошкинском детском доме должна была быть на учете, поскольку ценилась в прямом смысле на вес золота.

И вдруг – неучтенная единица! Да еще какая! Высокий, стройный, красивый, а глаза! Оттого, что огромные миндалевидные глазищи, обрамленные пушистыми черными ресницами, ничего не видели, они не бегали по сторонам, не щурились, а смотрели в одну точку, распахнувшись во всю ширь.

Неожиданно сладко заныло в низу живота. Амалия бросилась в ванную, открыла холодную воду и несколько раз плеснула в разгоревшееся лицо. Это еще что за новости? Ее ведь никогда раньше не интересовали малолетки, она ведь не педофилка!

Женщина подняла голову и криво улыбнулась своему отражению: не обманывай себя, дорогуша. Ты же ни разу не

получала удовольствия от секса с мужиками. Их волосатые потные тела, их тяжесть, их запах – фу!

Амалия сначала решила, что она, возможно, лесбиянка. Попробовала с женщинами – и не смогла вообще.

Поэтому для здоровья и для пользы дела время от времени спала с мужчинами, совершенно не обращая внимания на внешность и возраст. Надо – значит, надо. Потерпим. Ну вот такая она уродилась, фригидная.

И вдруг – неизведанная раньше тяга к мальчишке! Даже не к подростку – к мальчишке! Которому от силы десять-одиннадцать, не больше! Это что, плотное общение с извращенцами-педофилами свой отпечаток наложило?

Ладно, разберемся. Но сначала надо разобраться с похабной парочкой.

Амалия задумчиво посмотрела на закрытые дверцы душевой. Принять душ, что ли? Освежиться, привести себя в порядок. Вон косметика потекла от возни с холодной водой.

Нет, не получится, от отведенного физруку и докторше на сборы получаса осталось десять минут, только-только лицо подрисовать. Да и душ в офисе Амалия принимала очень редко, в основном летом, в жару, предпочитая принимать ванну в своем коттеджике. С пеной, с ароматными маслами. А душ – так, на крайний случай, когда совсем уж потно.

Амалия тщательно поправила макияж, попудрила нос, мазнула за ушами духами и вышла из санузла.

И только тогда Саша Смирнов, судорожным клубком

свернувшийся на поддоне душевой кабины, смог дышать.

ГЛАВА 8

Дверь в санузел директорша закрыла плотно, но, поскольку перегородка монументальностью не отличалась, звук из кабинета шел почти беспрепятственно. Может, для обычного человека слышимость и была плоховатой, но для обостренного, натренированного слуха Саши – все супер. Особенно если осторожно сдвинуть дверцу душевой.

Амалия уселась на свое место, еще раз осмотрела свое отражение в зеркальце пудреницы – все безупречно, как всегда – и, привычно затвердев лицом, приготовилась к разборке с подчиненными.

Явились они точно в срок. Распоряжения директора и без того выполнялись беспрекословно, а уж когда ощути-мо несет паленым от собственной шкуры, давать начальству лишний повод для недовольства – опаздывать, к примеру, – не стоит.

В дверь робко постучали. Вернее, даже не постучали – поскреблись. Амалия взглянула на часы и мысленно усмехнулась – интересно, они с секундомером под дверью ждали, чтобы появиться точно в назначенный срок, или мчались, затапывая неосторожно попавшихся на пути детей?

– Войдите! – упал первый камешек из нависшей над проколовшейся парочкой лавины.

Дверь медленно, словно упираясь, приоткрылась, и в об-

разовавшуюся довольно узкую щель просочился вначале физрук, а за ним – врачиха, похожая на упавшую в ведро с помоями мышь. Скорее всего, в ведре (или где там отрезвлял подругу физрук) были вовсе не помои, а чистая вода, но Амалии хотелось думать, что именно мерзкие, вонючие помои. Хотелось – думалось.

Потому что только жалкий, убогий вид обычно наштукатуренной Пипетки слегка примирял Амалию с ситуацией. Мокрые волосы докторши свисали неопрятными сосульками, воротник мятой блузки тоже намок, бледная, отекая после пьянки физиономия ничем выдающимся, кроме длинного носа, не отличалась. Глазки красные, руки трясутся, юбка... Жамканная тряпица, болтавшаяся вокруг тощих бедер мадемуазель Поливайко, тоскливо вспоминала то время, когда на ценнике, прикрепленном к ней, было написано: «Юбка женская». Ведь не поверит теперь никто!

Физрук выглядел подостойнее. О выпитой бадье спиртного напоминал только свекольный оттенок наглогато-перепуганной мордени. Видимо, сказывалась практика.

– Здравствуйте, Амалия Викторовна. – Ишь ты, а врачиха-то говорит почти нормально, только слегка запинается. Интересно, она только с помощью воды адекватность восприятия возвращала или без медикаментозных средств не обошлось? – Вызывали?

– Я собрала вас, господа, – с сухим шуршанием покатились остальные камни, – чтобы сообщить пренеприятнейшее

известие...

– К нам едет ревизор! – торопливо закончил физрук и подобострастно гыгыкнул – мол, ловко я вашу шутку продолжил, Амалия Викторовна?

– Рада, что вы знакомы с комедией Николая Васильевича... – хрустнула попавшаяся на пути камней веточка.

– Кого? – озадачился весельчак.

– Гоголя. Так вот, – сухо продолжила директор, не приглашая топтавшуюся у двери парочку пройти и присесть, – известие у меня для вас действительно пренеприятнейшее – вы уволены.

– Что? Как это? За что? – закудахтали те.

– Причем не только уволены, но и оштрафованы на сумму нанесенного вами бизнесу ущерба, – размеренно продолжила Амалия, словно не слыша гвалта. – Надеюсь, все помнят условия контракта, который вы оба подписывали.

– Какого еще ущерба? – Изображать непонимание, едва выйдя из алкогольной комы, довольно проблематично. Особенно трудно уследить за бегущими, словно шары в лототроне, глазами. Но Пипетка продолжала демонстрировать искреннее недоумение, несмотря на полное отсутствие умения. – Я не понимаю, о чем вы! Амалия Викторовна, я ведь всегда выполняла все задания, спускаемые сверху! И до сих пор моя квалификация господина Николса устраивала! Какой еще ущерб? Буквально три дня назад я подобрала подходящее по заданным параметрам сердце, изъятие прошло

безупречно, орган в соответствующем контейнере немедленно был отправлен, тело после консервации всех расходуемых материалов утилизировано – не пропало ничего! Почки, печень, легкие – сохранено все ценное, вплоть до роговицы глаз. О каком ущербе может идти речь?

– А вы, Владимир Игоревич, – перевела взгляд на физрука Амалия, совершенно не реагируя на вопли Пипетки, – ничего не хотите мне сказать?

– Я?! – Брови самца взлетели к границе волос, благо лететь было недалеко. – А я-то с какой стороны могу нанести ущерб? Тренировками я материал не перегружаю, слежу только за тем, чтобы они были здоровы и органы их функционировали нормально. Все, кто может ходить и ходит ко мне на занятия, здоровы, в этом я абсолютно уверен!

– Не хотите признаваться, значит? – холодно усмехнулась Амалия, сцепив пальцы лежащих на столе рук. – Напрасно. Тогда у вас появился бы пусть крохотный, но шанс остаться в команде. А так...

– Ну вы хоть намекайте, в чем дело! – взвыл физрук, вдруг увидев, как за горизонт уплывает флотилия из его личных стодолларовых купюр.

– Хорошо, – кивнула Федоренкова, – намекаю. Сегодня в коридоре я встретила Сашу Смирнова.

Услышав самую обычную на первый взгляд фамилию, парочка мгновенно изобразила польский флаг: Пипетка побелела, а физрук стал еще пунцовее.

А потом мадемуазель Поливайко пронзительно завизжала:

– Я не хотела, это все он! Говорил, что большие деньги на парне заработает! Он слепого уже два года тренирует, а сегодня сказал, что хочет выкрасть мальчишку! Меня подговаривал, чтобы я Смирнова умершим по документам провела! А я не согласилась! Я и прятать его от вас боялась, но он заставил!

– Ах ты сука! – прошипел самец, разворачиваясь к испуганно съежившейся подельнице. – Это как же я тебя заставил?! Иголки под ногти загонял, что ли? Ты же долю себе с будущих денег выторговала неслабую! И трахать тебя приходилось, хотя меня тошнит от твоих костей и крысиной морды!

– Тошнит?! – Испуг мгновенно трансформировался в злобу. – Ты на себя посмотри, кабан...

– Хватит! – стукнула ладонью по столу директриса. – Вы омерзительны! Оба! И я не желаю слушать, кто кого куда втянул! Говорите толком и по существу – зачем вам понадобился Смирнов? У него что, богатые родственники вдруг объявились, и вы решили у меня за спиной проверить свой маленький гешефт? Но, насколько я успела понять из ваших павианных воплей, вы, Наталья Васильевна, скрываете от меня Смирнова уже два года, а вы, Владимир Игоревич, все это время тренируете мальчика. Итак, повторяю вопрос: зачем вам нужен этот слепой?

– Твой был план, ты и говори, – пробурчала врачиха, инсценировав строчки из всемирно известной нетленки «Подмосковные вечера».

Ну, там где «милая смотрит искоса, низко голову наклоня». Со стороны, между прочим, смотрится довольно забавно. Правда, некоторое опасение внушает изгиб шейных позвонков, уж очень неестественный.

Физрук, потоптавшись еще с полминуты, но так ничего и не вытоптав, тяжело вздохнул и начал каяться.

И чем больше он говорил, тем труднее было Саше сдерживать слезы, и без того нетерпеливо переливавшиеся через край с того момента, как мальчик услышал про утилизированное три дня назад тело.

А пять дней назад в больничку на обследование забрали Машу Сивцову, его ровесницу, девочку с атрофированными верхними конечностями. Вместо нормальных рук у Маши висели крохотные лапки кенгуру, но девочка научилась ловко управляться и ими. Она не нуждалась в особом уходе, все делала сама. А еще обладала веселым, легким, жизнерадостным характером. Маша никогда не унывала и, если случалось что-то плохое, поплакав, старалась быстрее забыть об этом.

Саше нравилась эта неунывающая девчушка, они иногда болтали, смеялись, шутили.

А теперь... Сердце, почки, расходный материал...
Значит, они все здесь – расходный материал?!!

И он, Саша, жив до сих пор только потому, что Владимир Игоревич решил сделать из него цирковую обезьяну. Прикольный слепой уродец, выращенный ради драк за деньги. И которого все равно рано или поздно убьют, только не здесь, а где-то там, за забором детского дома.

Ну что же, спасибо и за это. За два года жизни, за тренировки.

А сейчас главное – не заплакать. Держись, Сашка, ты должен вырваться отсюда! И теперь не только ради того, чтобы найти маму, ты должен привести сюда милицию, пусть этих уродов арестуют и посадят в тюрьму!

О том, что и местная милиция, и местные власти могут быть прикормлены и не допустят утечки информации, мальчик и подумать не мог.

ГЛАВА 9

– ...Ну, в общем, и все, – закончил каяться физрук. – Амалия Викторовна, я бы обязательно рассказал вам о Саньке, как только бы парень вышел на нормальный уровень! Я сюрприз вам готовил, хотел обратить на себя внимание господина Николса! Это же новое направление использования материала – тренировать уродцев для развлекательных зрелищ!

– Быстро соображаешь, – усмехнулась Федоренкова. – Ишь как ловко теоретическую базу подвел под свой прокол!

– Да не слушайте вы его! – взвизгнула Пипетка, уловив положительную перемену настроения в отношении подельника. – Он все врет! Не собирался он Смирнова никому показывать, бабки в одиночку срубить хотел!

– Ах ты тварь! – замахнулся на возлюбленную физрук, но карающую длань правосудия остановил начальственный окрик:

– Прекратить! Ну-ка, разошлись по разным углам! Еще один выкрик не по существу – выгоню без разговоров!

– А что, – оживился самец, – разговор еще возможен? На счет увольнения?

– Не знаю, – побарабанила пальцами по столу Амалия. – Подобного, конечно, за все пять лет нашего сотрудничества не случилось, ваша работа меня вполне устраивала. Особенно ваша, Наталья Васильевна...

– Так ведь я старалась! – Пипетка истово прижала к груди руки. – Вы же знаете – основная нагрузка на мне, медсестры на подхвате, и за все годы не было ни единого случая порчи материала! Мистер Николс даже отметил мою работу в рождественском поздравлении! И что, из-за небольшой оплошности...

– Я бы не назвала ситуацию оплошностью.

– Ну хорошо, согласна, я плохо поступила, но ведь инициатором была не я! – Пипетка старательно дрогнула голосом и даже всхлипнула. – Володя, он... Он так красиво ухаживал, такие слова говорил, а я ведь женщина все-таки, мне любви хочется, ласки, душевного тепла! Вот я и не устояла! А чего не сделаешь ради любимого!

– Чего-о-о?! – возмутился Ромео. – Когда это я ухаживал?! Да тебя только пальцем помани – сама в койку прыгнешь! И, между прочим, не бескорыстно помогала, за долю в бизнесе! Я же говорил вам, Амалия Викторовна!

– Я вижу, – поморщилась Федоренкова, – что мои слова всерьез вы не воспринимаете. Я предупреждала насчет выкриков не по существу? Пошли вон! Оба!

– Ой, не надо! – Мадемуазель Поливайко шустро бухнулась на колени и поползла к обожаемому начальству. – Не увольняйте меня, пожалуйста! Накажите, но не увольняйте! Больше подобного не повторится!

– Да не лебези ты, Наташка, – физрук вдруг успокоился и, поудобнее устроившись в кресле, зевнул. – Не уволит нас

никто!

– Это почему же, позвольте полюбопытствовать? – недобро прищурилась Амалия.

– А кого вы на наше место срочно найдете? Для такого местечка, как это, люди особые нужны, проверенные, чтобы языком, где не надо, не болтали и ситуацию понимали в нужном, так сказать, русле. Это ж если кто узнает о том, куда исчезают бедные детишечки, ой-ей-ей, что начнется!

– Я не поняла, – ласково, душевно как-то произнесла директриса, – ты что, угрожаешь мне? Шантажировать пытаешься, ушлепок?

– Да ни в коем разе, как можно! – Владимир свет Игоревич то ли окончательно сдвинулся с перепугу, то ли вспомнил вдруг про какой-то козырь в рукаве или другом интимном месте. Иного объяснения разительной перемене в его поведении найти не удавалось. Даже под ковриком, не говоря уже о плинтусе. – Я ж понимаю – стоит мне рот открыть не по делу, и кранты мне. С мистером Николсом бодаться дураков нет. Но и уходить из этого тепленького местечка я не собираюсь. Где еще я столько заработаю за возню с детишками? За Смирнова – извиняюсь, больше не повторится. Можете делать с ним что захотите. Правда, жалко, если под нож пустите или на опыты, очень уж потенциал у мальчишки хороший. И идея моя с тренировкой уродцев для развлекух бабосов принести может неслабо. Я готов их тренировать. За другую зарплату, разумеется.

– Ты что, сдурел? – Пипетка посмотрела на полового партнера даже с некоторой жалостью, словно на обреченного. – Ты что несешь такое? Или хочешь с Маратом поближе познакомиться?

– А я с нашим начальником охраны и так знаком, – совсем раздухарился физрук. Причем во всех смыслах раздухарился – потом от него несло все ощутимей. – Нормальный мужик, между прочим, мы с ним не раз по пивасику вмазывали, когда в город ездили. Ладно вам глазами сверкать, Амалия Викторовна, ну в самом-то деле! Ну накажите нас с Наташкой, высчитайте сколько считаете нужным, – и замнем на этом! Не будете же вы из-за такой ерунды двух проверенных людей лишаться, верно ведь? А насчет ваших слов по поводу шантажа – глупости все это, Амалия Викторовна! Не собираюсь я никого шантажировать, я просто трезво оцениваю ситуацию. Мы пять лет работаем вместе, нареканий в мой адрес прежде не было, я делаю все, что мне прикажут. Надо срочно контейнер с органом доставить – пожалуйста! Надо помочь тело утилизировать – пожалуйста! Надо за материалом проследить – пожалуйста! Где вы еще такого найдете, да еще срочно?

– Такого? – Федоренкова как-то странно усмехнулась. – Такого действительно сложно найти, вы правы, Владимир Игоревич.

– Вот видите, – просиял физрук, – вы меня поняли!

Он продолжил возбужденно тараторить, расписывая свою

полезность, и не замечал испуганного взгляда своей недавней возлюбленной. А мадемуазель Поливайко бледнела все сильнее, хотя только что казалось – сильнее некуда. Но есть ведь отлив в голубизну. Пикантный оттенок жабьего брюха. Все цвета моли. Да мало ли в жизни блеклого и вылинявшего!

Такого, каким стало в данный момент лицо врача специализированного детского дома Натальи Васильевны Поливайко.

Федоренкова, заметив это, усмехнулась краешком рта и вкрадчиво проговорила:

– Ладно, идите. Вернее, вы, Владимир Игоревич, можете быть свободны, а вы, – кивнула она Пипетке, – задержитесь. У меня к вам срочное дело.

– Так что, – поднялся с места физрук, – мы уладили это дельце?

– Пока да.

– И вы нас не уволите?

– Нет.

– А наказание каким будет?

– Я сообщу вам отдельно.

– Тогда я пошел?

– Я же сказала – можете быть свободны.

– До свидания. – Самец поднялся и медленно направился к выходу, периодически оглядываясь на оставшуюся сидеть спутницу.

Видно было, что он хочет что-то сказать, но не решается.

Единственным провожатым Владимира Игоревича было молчание, продолжавшееся еще пару минут после ухода физрука. Затем Федоренкова указала глазами в сторону двери, Пипетка понимающе кивнула, бесшумно проскользнула к выходу и резко распахнула створку.

Выглянула наружу, осмотрелась и повернулась к директору:

– Никого. Он ушел.

– Хорошо. Заприте дверь и подойдите.

Наталья Васильевна выполнила распоряжение и, пристроившись на самый краешек стула, замерла, нервно теребя край тряпки-юбки.

– И как вас только угораздило так вляпаться? – брезгливо скривилась Федоренкова. – Он же законченный кретин!

– Понимаете, я... – Стекать в обморок врачиха не собиралась, тургеневских барышень мистер Николс в своем хозяйстве не держал, но угроза увольнения весьма ощутимо потряхнула женщину. К тому же она в отличие от недавнего полового партнера сообщала гораздо лучше и прекрасно понимала – незаменимых нет. Особенно в таком криминальном бизнесе. – Я уже пять лет здесь, в отпусках толком не познакомишься, так – встретились, переспали пару раз, разбежались. А хочется чего-то постоянного, к тому же Володя... Ой, простите, Владимир Игоревич – он ведь очень симпатичный, вот я и...

– Понятно, – оборвала нервное блеяние Амалия. – Но, надеюсь, ты понимаешь, что твой бойфренд повел себя неправильно?

– Да, – голос Пипетки дрожал, но интонация была твердой и уверенной. Она сделала свой выбор.

– И ненужных вопросов задавать не будешь?

– Разумеется, нет. И готова оказать всяческое содействие любому принятому вами решению.

– Ну что ж, – усмехнулась Федоренкова. – Рада, что ни я, ни мистер Николс не ошиблись в тебе. Что же касается Смирнова – будем считать это временным помрачением рассудка.

– Спасибо, Амалия Викторовна!

– Но наказать тебя придется.

– Я понимаю.

– Тогда вот что. Следующие три задания от мистера Николса ты выполнишь абсолютно бесплатно. Причем будь готова к тому, что поступит заказ на органы взрослого здорового мужчины...

Произнеся это, Амалия смолкла, испытующе глядя на собеседницу. Та вздрогнула, зрачки ее испуганно расширились, затем последовал судорожный вздох, пальцы рук судорожно сцепились в побелевшие объятия, и женщина кивнула:

– Хорошо. Сделаю.

– Отлично, – одобрительно улыбнулась Федоренкова и,

вытащив из папки несколько листков, протянула их врачу. – А теперь возьми вот это. Пришло утром на мой электронный адрес.

– Новый заказ?

– Да, мистер Николс расстарался. Очень денежный и простой в исполнении.

– Вижу, – рассеянно кивнула Наталья Васильевна, просматривая бумаги. – Выявление побочных эффектов нового антибиотика. Надо подобрать здоровый материал.

– Не надо подбирать, возьми Георгия Кипиани.

– Это кто?

– Насколько я понимаю, приятель Смирнова. Карлик.

– А, да-да, вспомнила. Ну что же, неплохой вариант, мальчик абсолютно здоров. Почему именно он?

– Начал задавать вопросы.

– Понятно.

ГЛАВА 10

Если не вникать в суть разговора, там, за дверью санузла, мило щебетали две приятельницы. Спокойно, деловито, не повышая голоса, они обсуждали отнюдь не новинки моды. И не кулинарные рецепты.

Они решали, что делать с отработанным материалом. Для друзей – Гошкой Кипиани, несуразным, смешным, доверчивым и очень добрым парнишкой.

Саше больше всего хотелось сейчас зажать руками уши, чтобы не слышать жути, озвучиваемой серебристыми женскими голосами. Слишком страшно, так не бывает. Это же только в детских страшилках и киношных ужастиках живут подобные монстры!

Да, он подозревал, что с больничкой, да и с усыновлениями не все гладко, но... Они, все воспитанники этого детского дома, не дети, а «материал»?! Набор органов, конструктор?

А еще – подопытные кролики, которых травят новыми препаратами, режут по живому, совершенно не озадачиваясь анестезией (об этом тоже упоминали две щебетухи), тщательно фиксируя малейшие изменения в состоянии «материала».

Тех, кто выдерживал опыты и даже иногда выздоравливал, отправляли обратно, выгуляться, окрепнуть, а потом – либо новые эксперименты, либо – под нож. На органы.

Правда, насколько понял Саша из беседы «коллег», тех, кто выживал в больничке, очень редко использовали в качестве доноров, их главный, которого называли то мистером Николсом, то Джейди, опасался подсовывать органы подопытных, справедливо полагая, что здоровыми после перенесенного они в принципе быть не могут.

И вот сейчас две кобры решали судьбу Гошки.

– Вы все поняли? – прошипела главная. – Никаких щадящих вариантов, давать подопытному максимально рекомендуемые разработчиками дозы препарата.

– Но это ведь взрослые дозы, – уточнила вторая, – мы обычно проверяем лекарства с учетом возраста, так результат чище.

– Это когда проверяется лечебный эффект, а в данном конкретном случае заказчика интересует именно побочное, отрицательное воздействие антибиотика на организм. К тому же материал в любом случае не должен вернуться из медблока, я ведь при всех пообещала ему родителей с домиком у моря. Вот пусть там и остается.

– Ну, я бы не назвала наш утилизатор домиком, – хмыкнула верная последовательница доктора Менгеле. – Он больше на бочку похож.

– Ну и что, у Пушкина в «Сказке о царе Салтане» мамаша с младенцем в бочке неплохо жили.

И дамы дружно рассмеялись искрометной шутке главной гадины.

Сердце в груди, отказавшись выполнять просьбы хозяйна, бешено колотилось о грудную клетку, совершенно обезумев от ужаса. Саше казалось, что этот грохот невозможно не услышать, сейчас одна из гадин закончит веселиться и услышит странный шум из санузла. И...

Сердце икнуло и попыталось устремиться в пятку. Левую. Ну и ладно, пусть стремится, главное – грохотать перестало.

Мальчик замер, прислушиваясь. Кажется, Пипетка уходит. Точно, прошипела что-то подобострастное и выползла из кабинета начальства.

Федора тоже не стала задерживаться, пошуршала бумагами, брякнула связкой ключей и зацокала каблучками к выходу. Два раза щелкнул дверной замок, и стало тихо.

Можно выходить. Саша попробовал встать – и не смог. Ноги, скорешившись с сердцем, тоже не слушались. Может, просто затекли от долгой скрюченности, а может, упали в обморок от услышанного.

Нет, так не пойдет. У него всего одна ночь на то, чтобы сбежать из этого концлагеря, а тут запчасти не слушаются! А ну, быстро в строй!

И сновагодились уроки Владимира Игоревича. Теперь Саше было даже немного жаль физрука, перешедшего в разряд «материала». Но если только совсем немного. Он помнил перечень его «заслуг».

Пять минут дыхательных упражнений, и организм бодро отрапортовал – готов к труду и обороне!

Саша выпрямился, пару мгновений постоял на месте, разминая руки и ноги, а потом осторожно отодвинул створку душевой кабины. Теперь – к входной двери.

К запертой входной двери. Он же слышал, как два раза щелкнул замок. И, если этот дурацкий замок и снаружи, и изнутри открывается ключом, на этом приключения Саши Смирнова, нет – Саши Кима, и закончатся. На взломщика Владимир Игоревич своего подопечного не тренировал.

Пробираясь маленькими, осторожными шажочками через логово директрисы, мальчик думал только об одном – пусть замок окажется накладным. Открывающимся изнутри какой-нибудь симпатичной пумпочкой. Пожалуйста, мама, пусть это будет так! Иначе мы с тобой никогда не увидимся...

Пумпочка была. Плоская такая, изящная, трущаяся о пальцы, словно ласковый котенок.

Саша дрожащими руками ощупал ее и радостно шмыгнул носом. Хорошо, что его никто не видит сейчас, иначе обсмеяли бы. Рассопливился от страха, как девчонка, вон, все щеки мокрые. А и ничего стыдного в этом нет, между прочим, это вам не булки из столовой таскать! Посмотрел бы я на вас, услышь вы такое!

Мальчик замер у двери, прислушиваясь к происходящему в коридоре. Ходят пока, не утомонились. Да и рано еще, только-только ужин начался, судя по вкусному запаху, подловвинтившемуся в нос. Желудок немедленно отозвался воз-

мущенным бурчанием – война войной, а еда по расписанию! Кое-кто, между прочим, собрался этой ночью в поход, а делать это с пустым желудком категорически запрещено. Ну, может, и не категорически, но не рекомендуется – это точно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.